

М. Н. Вольф

О трех базовых антитезах онтологии Гераклита*

Досократики, начиная познание вещей, прежде всего, на наш взгляд, должны были определиться с тем, на что конкретно будет направлено познание и ввести иерархию познаваемых вещей. Исходя из познаваемости начала и благодаря ему познание сущего видится (во всяком случае, на первых этапах развития философии) вполне осуществимым, но эта простота кажущаяся, поскольку по мере становления ранних досократических философских концепций завершается формулировка проблемы начала и наступает осознание сложности ее структуры.

То, что множественность неприемлема в качестве основания для познания вещей и мира в целом, видно уже в изречениях Фалеса. Фалес был первым, согласно традиции, кто заговорил о начале. Он же первый характеризует начало различными способами. Помимо воды в качестве материального начала («того, из чего все») у Фалеса, очевидно, было представление о еще одном начале (либо его атрибуте), функцию которого определить трудно, ясно только, что оно недостаточно отделено от божественного и это то, благодаря чему все происходит. Анаксимандр, вслед за Фалесом задается вопросом «из чего все». Милетцы нигде не говорят о вещах как таковых, не определяют их статус как сущего, более того, *вещи* и *явное* не различимы как сущее. Исходный тезис милетской школы мы могли бы сформулировать следующим образом: «чтобы понять, каковы вещи, нужно исходить из характеристик порождающей их субстанции». Эта позиция представляется в некоторой степени неизжитым генетизмом, когда характеристики порожденного в той или иной мере соответствуют характеристикам порождающего. Тем самым видно, что сущее и его начало противопоставляются как по статусу, так и по своим характеристикам. Само начало не есть сущее, а является чем-то совершенно иным по отношению к нему. В философии Анаксимандра в добавление к схеме рассмотрения начала у Фалеса – «то, благодаря чему» и «то, из чего все», – мы находим еще одну дополнительную характеристику, характеристику действия: «то, посредством чего» начало действует или его инструментальную характеристику. Она четко не зафиксирована в его концепции, но тенденция к ней намечена в самом блоке рассмотрения внешних характеристик начала. Характеристики действия, как правило, соотносят начало и сущее. Начало есть нечто порождающее, но механизм этого порождения не вполне ясен.

Гераклит, вероятнее всего, уточняет позицию Анаксимандра в отношении начала. Его ἀρχή также тройко. Ум или мудрый (γνώμη, τὸ σοφόν) как управляющее начало – собственно архэ и его самостная характеристика, Огонь – материальное начало, «то, из чего» и, наконец, Логос – инструментальное начало, «то, посредством чего» осуществляется сообщение и контроль над миром. Но, помимо начала, у Гераклита более четко прописана и структура сущего, заданного через противоположности, и противоположности – это способ описания космологии чувственного мира. Ясно, что такая схема уже не достаточно проста, поскольку нет однозначности ни в понимании начала, ни в понимании сущего. Те варианты трактовки отношений начала и сущего, которые уже, вероятно, рассматривались философами до Гераклита, иногда оказывались взаимопротиворечащими, как, например, понимание начала чем-то одним в ряду с порождаемыми вещами (противоположностями) как то, что возмещает «бесполезную трату» и, тем самым, вовлечено в изменения в мире (пусть не в сам процесс становления и изменения, но как нечто регулирующее эти изменения), и начало как объемлющее, «граница мира», с одной стороны предотвращающая дальнейшую дифференциацию и тем самым упорядочивая сущие («все

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта президента Российской Федерации – МК.2020.2005.06.

вещи» при всем своем многообразии все-таки конечная величина), и с другой стороны, именно начало делает сущее ограниченным, позволяя ему тем самым существовать. Именно на разрешение этих внутренних противоречий милетских взглядов на начало посредством использования концепции противоположностей и был направлен один из разделов учения Гераклита.

Прежде, чем перейти к рассмотрению этого раздела учения Гераклита, мы остановимся на той позиции, которую мы занимаем по отношению к способам исследования наследия Гераклита. Многие поколения исследователей предпочитали видеть в учении Гераклита собрание анекдотов и «темных» высказываний пророческого характера, отмечая саму мысль о рациональных основаниях философских построений. Эта точка зрения, во многом обусловленная разрозненностью и краткостью фрагментов была центром притяжения для многих мистически ориентированных реконструкций. Другая крайне популярная позиция рассматривает Гераклита как первого диалектика античности, заложившего основы *общей теории развития* как учения о тождестве противоположностей и их взаимоотношения как противоречия. Еще одно направление, которое также весьма популярно и которое часто называют собственной деятельностью историков философии – собрание, издание и комментарий к оригинальным фрагментам. В основном в этой области работали западные исследователи и именно на западе были изданы многочисленные комментарии и публикации фрагментов, как специальные, так и в рамках всей досократической философии¹. Именно в этой традиции преимущественно отдается предпочтение подходить к Гераклиту как философу преимущественно рационалистических взглядов. Все перечисленные направления нередко пересекаются. Если рассматривать учение Гераклита с позиций постановки проблем – того какие именно проблемы он решал, и как они были поставлены, тогда иначе чем с рациональных позиций оценить его вряд ли получится. Именно с позиций признания рациональности философского учения Гераклита в данной статье мы рассмотрим ту общую базисную структуру, которая является основанием для формирования основных проблем и вариантов ответа на них, а именно проблемы начала у Гераклита.

Обычно, реконструируя учение Гераклита, принято отмечать многие пары противоположностей в духе произвольно составленной пифагорейской таблицы Аристотеля (наиболее полной представляется т.н. «Таблица противоположностей в Гераклитовой доктрине логоса», предложенная М. Марковичем)². Но в учении Гераклита помимо противоположностей, отражающих структуру мира, есть иные, которые позволяют характеризовать не сам мир, все вещи и процессы в мире, а отношения внутри него. Другими словами, все вещи и процессы мы можем в общем виде привести к трем парам противоположностей, посредством которых формируются и задаются исходные условия для познания ми-

¹ Kirk G.S. Heraclitus: The Cosmic fragments, 2nd ed. Cambridge, 1962; Marcovich M. Heraclitus. Greek text with a short commentary. Venezuela, 1967; Mondolfo R., Tarán L. Eraclito – testimonianze e imitazione. Florence, 1972; Kahn C.H. The Art and Thought of Heraclitus. An edition of the fragments with translation and Commentary. Cambridge, 1979; Conche M. Héraclite. Fragments. P., 1986; Kirk G.S., Raven J.E., Schofield M. The Presocratic Philosophers. Cambridge, 1983.

Существует также несколько русских переводов, все они сделаны достаточно давно: перевод Г.Ф. Церетели в приложении к кн.: Таннери П. Первые шаги древнегреческой науки. С предисловием А. И. Введенского. СПб., 1902; В.О. Нилендер. Гераклит Ефесский. Фрагменты. Перевод В. Нилендера. М., 1910; А.О. Маковельский. Досократики: Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Историко-критический обзор и перевод фрагментов, доксграфического и биографического материала А. Маковельского. Ч. I–III. Казань, 1914–1919. Из относительно современных переводов – М.А. Дынник. Материалисты Древней Греции. М., 1955. Следует отметить перевод фрагментов В.С. Соколова в приложении к книге Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия М., 1966. Также в российской науке была предпринята попытка С.Н. Муравьева собрать корпус свидетельств о жизни Гераклита, которая, на наш взгляд, так и не получила должного отклика у историков философии античности: С.Н. Муравьев. Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. Серия публикаций в журнале «Вестник древней истории», 1984-1990 гг.). Наиболее популярным является издание А.В. Лебедева. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. Других специальных попыток перевода фрагментов Гераклита на русский язык, насколько нам известно, не предпринималось.

² Marcovich M. Heraclitus. Greek text with a short commentary. Venezuela, 1967. – см. вкладку сс. 160–161.

ра, более того, данные антитезы формулируются в попытке подвести итог представлениям милетцев и Ксенофана и разрешить те противоречия в понимании начала и сущего, которые уже успели сложиться ко времени становления философии Гераклита. Гераклит посредством формулировки этих антитез не столько предлагает способы своего прочтения проблемы, сколько систематизирует накопленный материал, классифицируя варианты понимания начала, а уже исходя из получившейся общей описательной схемы, формулирует и решает проблему начала и сущего.

Итак, в основу разрешения противоречий между пониманием начала и сущего Гераклит ставит свою концепцию противоположностей, а именно «все есть противоположности». И если все вещи в совокупности есть набор многочисленных оппозиций, то для того, чтобы перейти к началу и его пониманию, Гераклит задает своего рода мета-уровень противоположностей или противоположности следующего, более высокого, категориального уровня, чтобы описать именно взаимосвязи и отношения между вещами и началом.

Такого рода категориальных противоположностей или антитез в учении Гераклита было три и, как кажется, он понимал их сходным с Аристотелем образом – как в некотором смысле *категориальные основы* или высшие родовые понятия. Они также несводимы друг к другу, но при этом позволяют описывать разные аспекты вещей, и в первую очередь – их взаимоотношения с началом, разные стороны представлений об архэ. Эти «категориальные основы» таковы: «явное – скрытое» (φανερὸς – ἄφανές), «единое (одно) – многое» (ἓν – πάντα (pollwn)) и «общее – особенное» (ξυvόν (κοινόν) – ἰδίον). Ниже мы постараемся показать, что представляют собой эти антитезы и почему среди множества других противоположностей, о которых ведет речь Гераклит, именно эти следует понимать как базисные.

Что касается первой антитезы, «явное – скрытое», то она определяют своего рода фундамент для установления способа познания, являясь исходной для закладки оснований деления бытия на умопостигаемый и чувственно воспринимаемый уровни, т.е. это та антитеза, в рамках которой были поставлены и решались Гераклитом основные гносеологические проблемы. Решая проблему начала и сущего, досократики исходили из признания наличия базового познавательного метода. Иными словами, только определив исходные условия познания (в первую очередь, признав саму возможность познания), можно задумываться о том, что именно подлежит познанию, т.е. оценивать его с позиций применимости метода и познаваемости «вещи» (в самом широком смысле этого слова, или объектов познания). Гносеология здесь определяется позициями «как познать» (чистый метод) и «что вообще может быть познано». Согласно Гераклиту, помимо очевидных, непосредственно данных вещей есть некоторые скрытые формы существования, которые, тем не менее, люди (а лучше сказать, некоторые люди) способны выявлять с помощью тех или иных способов, тем самым они становятся явными, очевидными и доступными для всеобщего познания. Гераклит указывает на невозможность познания при недостатке доказательных средств, а сам процесс познания, вероятно, понимается как переход от неочевидного к доказанному, и, следовательно, получившему очевидность, или, иначе, от скрытого к явному. На основании этого можно утверждать, что Гераклит осознавал, что выявление неявного – это доказательная, рационалистическая процедура, а не мистический акт. Таковым, в частности, является способ познания начала на основании «того-что-есть» или сущих вещей³.

Две другие антитезы – «единое – многое» и «общее – особенное» – традиционно отождествлялись, особенно это касается отечественных исследований в диалектической традиции⁴. Сам Гераклит вполне четко разводит эти две антитезы.

Антитеза «единое – многое», часто подаваемая как проблема, видится исследователям наиболее разработанной проблемой в истории древнегреческой философии (особенно

³ Подробно см.: Вольф М.Н. Понятия «явное и неявное» как базис для формирования гносеологической проблематики Гераклита // Вестник НГУ. Серия: Философия. Т. 3. Вып. 1. с. 80-88.

⁴ См. например, Кессиди Ф.Х. Гераклит. М., 1982. С. 74, 110 и др.

ионийской и элеатовской) и она же является и наиболее обсуждаемой. Формулировку этой антитезы как проблемы приписывают, как правило, Аристотелю. Он обращался к ней уже в ранних своих работах, в частности, «О противоположностях», в которой пишет, что каждая оппозиция внутри терминов некоторым образом сводится к противоположности между терминами «одно» и «многое»⁵. Каким образом противоположности могут быть сводимы к этой одной оппозиции, он и его комментаторы не сообщают, но из текста «Метафизики» становится ясно, что именно «единое – многое» понимается Аристотелем как первичное различие бытия.

Гераклит противопоставляет единое (ἓν) множому, не всегда четко определяя последнее: это либо πάντα либо πολλῶν, многое или всё. Наиболее ярко эта антитеза представлена во фр. 26 Mch: «... мудрость в том, чтобы знать все как одно».

Разведение «единого – многого» и «общего – особенного» у Гераклита появляется, на наш взгляд, как следствие попытки разрешить проблему начала в том виде, в каком она была поставлена милетской школой (и, как свидетельствуют его возмущенные отзывы на учение Пифагора, пифагорейцами). Напомним, что милетцы и вероятно, пифагорейцы, в своих рассуждениях о начале четко не определили взаимосвязь множественности сущего и единственности начала. После милетцев единое мы можем понимать в двух значениях – как нечто одно (единственное и тем самым не допускающее никакой множественности в себе, противопоставленное всему как субстанциальное начало) и как нечто, состоящее из многих частей, как составное, объединяющее в себе, ограничивающее собой и включающее в себя весь набор сущих (в этом случае множественность сохраняется, но в составе единого), в любом случае оно противопоставлено множому, но каким именно оно является по своим характеристикам, не вполне ясно. Первого пути, как полагают, придерживался Парменид, а второе традиционно приписывается натурфилософам и их последователям, признающим начало состоящим из стихий (элементов или στοιχεῖα).

Именно эту неоднозначность прочтения ἓν мы можем увидеть во фр. 25 Mch: «сочетаются <вещи> целые и нецелые, собирающееся вместе и расходящееся в разные стороны, созвучное и несозвучное, из всего – одно, и из одного – все» (συλλάψιεις ὅλα καὶ οὐχ ὅλα, συμφερόμενον διαφερόμενον, συνᾶιδον διᾶιδον· ἐκ πάντων ἓν καὶ ἐξ ἑνὸς πάντα). Этот фрагмент в отношении его места в системе Гераклита и его книги «тёмен», но зато весьма полезен в том плане, что содержит указание на то, что ἓν является составным, оно есть результат сведения вместе различных других составных принципов и тем самым является чем-то единым, что способно расчлняться на множественности различного порядка, три типа которых Гераклит и приводит: целое; сводимое, собираемое вместе; и созвучное (причем не обязательно в отношении звуков, это слово может отражать гармоничное вообще, на что указывает само слово – Гераклит здесь, по мнению исследователей, использует не устойчивое понятие, а собственный неологизм⁶). Отсюда видно, что в антитезе «единое – многое» единое не подразумевает смысл «одно» и представляет собой некоторый уровень обобщения по отношению к различным категориям *составных* групп вещей.

Более того, именно такую взаимосвязь между понятиями «единое» (ἓν), «целое» (ὅλον) и «всё» (πᾶν) хорошо показал Аристотель в своем «словаре терминов» в *Met.*, 5 (1023b26 – 1024a10). «Целым (ὅλον) называется [1] то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы. А также [2] то, что так объемлет объемлемые им вещи (τὸ περιέχον τὰ περιεχόμενα), что последние образуют нечто одно (ἓν); ... каждая из этих вещей есть одно, или так, что из всех них образуется одно. ... целостность есть некоторого рода единство (τῆς ὁλότητος ἐνότητος τινος). ... [3] из относящегося к количеству, имеющего начало, середину и конец, целокупностью (πᾶν

⁵ Stokes M.C. One and many in presocratic philosophy. Cambridge, Massachusetts, 1971. 355 с. С. 8.

⁶ Marcovich M. Heraclitus... с. 108. Мы допускаем трактовку для *συνᾶιδον διᾶιδον* как «пребывающее вместе в течение долгого времени» и «пребывающее раздельно в течение долгого времени».

или всем) называется то, положение частей чего не создает для него различия, а целым – то, у чего оно создает различие»⁷.

Итак, ἕν по Гераклиту должно пониматься как нечто исчислимое. С одной стороны оно составное, т.е. не одно по числу, а то, что состоит из множественности, собирается из многих. Точно также собирается из множественности, по одной из интерпретаций, начало Анаксимандра – апейрон, являя собой только границу для сущих, по сути само оказываясь составным из всей множественности. Именно этот смысл можно усмотреть в пункте [2] процитированного выше фрагмента как указание именно на такое начало, которое объемлет вещи и должно пониматься как «граница мира» и нечто, тем самым состоящее из множества сущих, которые объемлет – *единое* тем самым действительно составное, а *целое* является вариантом составности. С другой стороны, как видно из фрагмента 85 Mch: «Ибо мудрым можно считать только одно (ἕν): ум (γνώμη), могущий править всем через все», даже в том случае, если ἕν понимается как одно по числу, отношение с множественностью сохраняется приблизительно в том же аспекте «охвата» многих вещей, в данном случае через их подчинение, управление ими.

Зачастую все же употребление ἕν подразумевает нечто, не способное быть разделенным на части, одно по числу (как элеатовское ἕν), у Гераклита же этот смысл подлинного, неделимого единства задается совершенно иным словом – «общее». Эта другая пара противоположностей – антитеза «общее – особенное», носит у Гераклита, как отмечалось выше, совсем иной смысл. Общее – это несомненно ξυνός, что видно из разных фрагментов (например, 1Mch, 2Mch, 23Mch и др.). Как может быть задана его противоположность? Гераклит использует именно ту пару оппозиций, которая достаточно распространена и часто использовалась различными греческими авторами (Ксенофоном, Геродотом, у Платона неоднократно в «Софисте», особенно «Государстве» и других диалогах). Он противопоставляет общему частное, ἰδίᾱ, как, например, во фр. 23 Mch: «διὸ δεῖ ἕπεσθαι τῶν <ξυνῶν, τούτέστι τῶν> κοινῶν (ξυνὸς γὰρ ὁ κοινός). Τοῦ λόγου δ' ἕόντος ξυνοῦ ζῶουσιν οἱ πολλοὶ ὡς ἰδίᾱν ἔχοντες φρόνησιν». Этот фрагмент приводит Секст Эмпирик и он же комментирует слова Гераклита следующим образом⁸: «Чуть ниже он [Гераклит] добавляет: “Поэтому должно следовать общему”, а ξυνός – это и есть “κοινός”. “Хотя логос – общ, большинство [людей] живет так, как если бы у них был особенный рассудок”».

Смысл слова ξυνός на ионийском диалекте – совместный, общий или касающийся всех, принадлежащий всем, т.е. общее в подлинном смысле. На аттическом в этом же смысле использовалось слово κοινῆ, о котором Секст и говорит, что ξυνὸς γὰρ ὁ κοινός. Общему здесь Гераклит противопоставляет ἰδίᾱ – *частное* в буквальном смысле *частной собственности*, частного владения, того, что принадлежит не всем, а конкретному индивидууму, либо то, что является публичным, дано в общественном порядке.

Пример общего для всех, который приводит Гераклит – это закон. Фр. 23 (а): «Кто намерен говорить с умом, те должны крепко опираться на общее (ξυνῶν) для всех, как граждане полиса – на закон и даже гораздо крепче»⁹. Закон с одной стороны объективен, но он принимается всей совокупностью граждан. В этом смысле Гераклит отличает индивидуальную точку зрения от той, которая согласная, совокупная, и потому объективная. То есть, мы не складываем мнения всех по совокупности, а находим нечто общее для всех, единственное, что удовлетворяет всем.

Это значение также хорошо показывает, что общее в принципе не может быть понято как составное или многое, это антитеза с совершенно иным смыслом. Этот смысл, пожалуй, наиболее полно отражает фр. 34 Mch: у круга начало и конец общие (ξυνὸν γὰρ

⁷ Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т. 1. с. 174-175.

⁸ Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 133 // Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М., 1975. с. 87. Фрагмент цитируется по изданию «Фрагменты...» с частичной заменой перевода языком оригинала.

⁹ Фрагменты, с. 197.

ἀπλὴ καὶ πέρας ἐπὶ κύκλου περιφερείας). В таком понимании общее предстает как предел или граница между частными владениями – переход между ними, какой либо зазор или разрыв обнаружить невозможно, это в действительности то, что в равной мере принадлежит как одной, так и другой стороне, всем и каждому. И в этом смысле как то, что подлинное Одно (не как единое – целое и состоящее из множества элементов, а как единственное) может рассматриваться именно *ξυνός*, и оно же является истинным. Об этом вполне справедливо говорится в следующем комментарии Секста Эмпирика, который помимо прочего подтверждает и точность выбранной нами пары в антитезе. Комментируя фрагмент Гераклита, Секст говорит: «А это разумение есть не что иное, как истолкование образа устройства *всего*. Отсюда, поскольку мы вступили в общение с памятью о нем, мы находимся в истине; а коль скоро мы возымели свои особенности (*ἰδιάσμεν*), мы находимся во лжи.

При таком положении дел Гераклит действительно яснейшим образом выражает в приведенных словах, что общий разум есть критерий: и явное всем вообще, говорит он, вполне достоверно, будучи как бы предметом суждения для общего разума; а то, что является каждому особенно, – ложно»¹⁰.

На основании этого замечания можно полагать, что рассмотренные категории-антитезы не взаимозаменяемы, но взаимосоотносимы: через одну из них легко уточнить содержание другой: именно так общее (в данном случае разум) будет критерием для явного, а частное – для неявного, и именно посредством перевода неявного в явное через достижение общего возможно постижение истины, особенное соотносимо с ложью, общее истинно. Таким образом, можно предположить, что одна из составляющих антитез – одно, общее, скрытое – характеризует начало, другая – все, частное, явное – сущие вещи, и то и другое неразрывно связано друг с другом.

Тем самым, утверждая в 1Mch – (a) [ii]: «все вещи появляются вследствие этого логоса»; [iii]: «Я объясняю те слова и вещи, различая их в соответствии с их природой и затем показываю их такими, как они есть», Гераклит разрешает через противоположности (обращение к которым действительно следует понимать как один из его методов) те противоречия, которые следовали из положений милетских философов – начало должно быть связано с сущим, но каковы характеристики этого начала и какого рода эта связь, не ясно. Именно эту проблему решал Гераклит, исходя из анализа природы сущих вещей и установив мета-уровень противоположностей.

¹⁰ ἡ δ' ἐστὶν οὐκ ἄλλο τι ἀλλ' ἐξήγησις τοῦ τρόπου τῆς τοῦ παντὸς διοικήσεως. διὸ καθ' ὃ τι ἂν αὐτοῦ τῆς μνήμης κοινωνήσωμεν, ἀληθεύομεν, ἃ δὲ ἂν ἰδιάσμεν, ψευδόμεθα. νῦν γὰρ ῥητότατα καὶ ἐν τούτοις τὸν κοινὸν λόγον κριτήριον ἀποφαίνεται, καὶ τὰ μὲν κοινῇ φησι φαινόμενα πιστὰ ὡς ἂν τῷ κοινῷ κρινόμενα λόγῳ, τὰ δὲ κατ' ἰδίαν ἐκάστῳ ψευδῆ.